

§4 ОБЩИНЫ И ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Ерохин И.Ю.

КАЗАЧЬИ ВОЛЬНОСТИ КАК ПРИЗНАК ЭТНИЧНОСТИ КАЗАЧЕСТВА

***Аннотация.** Предметом исследования является казачество как категория этносоциального представления, основанного на философии свободы изъявления. Показывается необходимость интеграции исторической школы права казачьего объединения в современное общество. Указано, что у казачьих сообществ во все времена существовало две ипостаси: социальная (военно-служилая) и этническая (природная). Целью работы является характеристика положения о том, что на основе дуальности социоприродного характера казачества формировалась противоречивая история казачества. Работа может найти применение в понимании роли казачества в становлении российского государства. Многие историки прямо и открыто говорят о том, что в XV–XVI вв., и вплоть до середины XVII столетия, по всем признакам казацкий этнос российской государственностью воспринимался как чужеродный ей элемент, вредный и опасный. Современное казачество отводит вопросу казачьих вольностей в системе общих понятий и структуры казачества достаточно важное место. Методологией научного исследования является характеристика сравнительного исторического анализа, синтез монографических исследований, полемическая аналогия трактовки общепринятых понятий. Результатом работы является то, что в статье автором рассмотрены принципы казачьих вольностей как основы этнического мировоззрения казачьих сообществ, в противовес государственной (Имперской) доктрины характера казачьей ментальности и представлений. Показаны пути интеграции традиционного казачества внутреннего регулирования жизненного уклада в социально динамичной среде. Вывод. Парадигма российского казачества как русского субэтноса базируется на признании исторических фактов формирования казачества из гетерогенных народов при сохранении славянской, великорусской антропологической доминанты и основы. У казачьей социальной общности, наряду с общими для всего этнического великорусского населения доминирующими признаками, были и существенные специфические групповые отличия в культуре, психологии, военно-служилом образе жизни.*

Ключевые слова: казаки, история, этнос, Россия, государство, традиции, право, культура, сознание, мировоззрение.

Старинная казачья пословица гласит: «Для того казак, родится, чтоб царю на службе согдаться». Трудно поспорить с этим утверждением, но оно может быть в полной мере отнесено лишь к позднему казачеству. Ранние казачьи сообщества жили и руководствовались в своей практической жизни, быту совершенно иными принципами, целями и направлениями. Совершенно исторически неверно рисовать образ казака исключительно как рьяного государственника, поборника начал абсолютно любой государственности вообще, субъектом которой являлся казачий этнос. Образ казака, который бездумно и слепо бы следовал, повиновался приказам и распоряжениям своих непосредственных воинских, гражданско-административных начальников. В казачьей среде были нередки расколы, размежевания, где казаки разделялись на враждующие противоборствующие лагеря именно в вопросах своего отношения к власти, государству, государственному обустройству и государственному началу. Вместе с тем, изначально неверен и образ казака — варвара, слепого бунтаря и разрушителя, напроць лишенного основ собственной идеологии. Образ казака, принципиального оппозиционера любой власти, больше всего ценящего собственные вольности или сословные, кастовые привилегии. Все было гораздо сложнее.

Казачество в момент своей древнейшей истории зарождается и формируется как общность людей вольных, гордых, свободлюбивых, независимых от государства и общества, отличающихся исключительной энергией, духом предпринимательства и бунтарства. Казачество этого периода было сосредоточено, главным образом, на территориях современной Украины, Дона, Поволжья, чуть позднее, территориях, — Урала, Кубани, Терека. Трудно назвать любую другую национальную, этно-социальную, культурную группу на территориях древней Руси, подобную сколь либо казачеству, которая с таким же упорством и самоотверженностью, как оно, защищала свои вольности, держалась за свой традиционный самобытный уклад жизни, и столь же дорожила им. По образному выражению Н. В. Гоголя, каза-

чество, — «широкая, разгульная замашка русской природы, необыкновенное явление русской силы, которые вышибло из народной груди огниво бед»¹. Историки говорят о том, что казачество было рождено степью, ее просторами, ими и жило².

Историки говорят: «Вольное казачество — это не просто гордые слова или поэтический набор образов, для понимания сути происхождения казаков, казачьих сообществ, их жизни и деятельности, без этой формулировки не обойтись». В некоторых русских былинах, которые относятся ко времени правления Владимира Великого «богатырь Илья Муромец именуется «старый козак»³. Уже в 1489 г. казаки выступают как реальный фактор геополитики, указывая путь войскам польского короля Яна Альбрехта на татар⁴. В том же году отряды казачьих атаманов Василия Жилы, Богдана и Голубца нападают на Таванскую переправу в низовье Днепра и беспощадно громят татар, грабят купцов⁵.

Ученые достаточно ярко и подробно описывают пестрый состав населения «Дикого поля». Ю. А. Кизилев в составе прото-казачества XI–XII вв. видел тюрков, берендеев, ковуев, турпеев, половцев. Это были «союзники-федераты» русских земель. Сюда же Кизилев относил казаков-промысловиков: донских, оскольских, северских, рязанских; служилых «путивльских казаков» и народ с украинских придаточных земель. Кизилев пишет: «Здесь казаковали азовцы, крым-

¹ Матвеев О. В. Кубанское казачество в сословной структуре Российской империи и тенденции его развития в 60–80-е гг. XIX в. // Проблемы истории казачества: сборник научных трудов. — Волгоград, 1995. — С. 32.

² Аджиев М. Рожденные великой степью // Спутник-дайджест. — 1992. — № 8. — С. 15–21.

³ Гирич А. В. Возрождение казачьих войск [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=709.0> — С. 2–3.

⁴ Гирич А. В. Возрождение казачьих войск [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=709.0> — С. 2.

⁵ Гирич А. В. Возрождение казачьих войск [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=709.0> — С. 3.

цы, черкасы, киевляне, путивляне, разанцы и другие. Среди русских людей, уходивших в «вольные казаки» можно увидеть беглых холопов, крестьян, посадских людей, разорившихся детей бояр и беспоместных дворян. Они основывали свои «становища» все дальше от «концов городских поль», смешиваясь «на поле» с беглыми людьми «ордынских орд», уходивших из своих орд под давлением усилившихся поборов и повинностей в пользу кочевой знати. Группируясь вокруг предприимчивых атаманов, есаулов и батыров, «вольные казаки» «промышляли на поле», совмещая войну со «службой» различным правителям и торговлей «на обе стороны». О таком же мироустройстве «Дикого поля» говорит в своих работах В. В. Карагалов.

Многие историки прямо и открыто говорят о том, что в XV–XVI вв., и вплоть до середины XVII столетия, по всем признакам казачий этнос российской государственностью воспринимался как чужеродный ей элемент, вредный и опасный. Некоторые исследователи идут и того дальше, распространяя эту традицию и на всю последующую историю казачества¹. «С конца XVII, в начале XVIII и XIX столетиях власти ведут активную политику ускоренной русификации казачества. Казачество упорно сопротивляется. В 20-е, 30-е годы XX в. наступает эра прямой и бескомпромиссной вооруженной борьбы абсолютного большинства казачьего населения с Советским государством, которая завершится чудовищным геноцидом казачьего народа. В 1940-е — 80-е гг. геноцид был последовательно и преднамеренно заменен политикой государственного этноцида, когда советская пропагандистская машина методично стирала историческую память народов». Вот такую малопривлекательную картину рисует часть историков, рассматривающая всю историю казачества в целом именно под углом противостояния его государству и государственным институтам. И. Л. Омельченко считает, что в рассматриваемые периоды сама ситуация

¹ Казаки в государственной системе Российской Федерации: противоречия и перспективы [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo — С. 1.

исключала «всякий союз казаков и власти»². Свидетельства древних авторов, известных историков и ранние материалы по истории казачества скорее не опровергают данных утверждений, а служат в поддержку одной концепции.

Классики истории в лице С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и др. видели в казачестве, прежде всего, антигосударственное начало. С. М. Соловьев отмечал грозность и разрушительность этого начала: «Иногда была опаснее кочевых орд»³.

Такой авторитет исторической науки, как В. Н. Татищев говорит о «разбойных началах» и вольностях казачества следующее в своей «Истории Российской...»: «Первые козаки, зброд из черкес горских, в княжении Курском в 14 ст. явились; где они слободу Черкасы построили и под защитой татарских губернаторов воровством и разбоями промышляли; потом перешли на Днепр и город Черкасы на Днепре построили»⁴.

Историк Н. М. Карамзин указывает на факты того, что в борьбе за свои вольности казачество охотно шло на союзы с различными народами и правителями супротив иных, при этом бережно охраняя собственное государственное начало раннего казачества: «Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить крепости в сих опустошенных Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями днепровских порогов, где город Черкасы назван их именем.»⁵

² Мохов А. Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. политолог. наук: 23.00.02. — М., 2005. — С. 5.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1959. — 1 кн. — С. 61–62.

⁴ Татищев В. Н. История Российская. — М. — Л., 1963. — 2 т. — С. 240.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского: предания веков. — М.: Правда, 1988. — 5 т. — С. 3.

Карамзин подробно останавливается на вольном духе донского казачества, говоря: «Важнейшим страшилищем для варваров и защитой для России сделались... Республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь европейских с азиатскими чертами, людей неумолимых вратном деле, «природных конников и наездников», иногда упрямых, своевольных и хищных»¹.

Советский историк А. Л. Станиславский говорит об историографии эпохи этих авторов: «Для дворянских историков «неистовые казаки» были искателями «дикой вольности и добычи», «сволочью людей бесприютных», занимавшихся исключительно разбоями, грабежами, поиском добычи... Носителем антигосударственного разрушительного и зловещего начала, людьми стремившимися жить за счет общества.»

Польский автор Мартин Вельский указывает на особые черты древнего казака, — ум, сноровку, своеобразный менталитет жителя степи. М. Вельский характеризует казаков не иначе, как «рыцарями степей» со своим уставом и собственными правилами организации жизни, жизненного пространства. С ним вполне солидарен и другой иностранный автор, — французский инженер Г. Боплан.

Правовед и историк М. Ф. Владимирский-Буданов говорил об идеях вольностей на раннем Дону: «На Дону уже издревле (еще при существовании великого княжества Рязанского) выходцы из государства, большей частью недовольные новым государственным строем, основали свободные казацкие общины...»². Подтверждением обоснованности данных слов служат свидетельства из дипломатических источников. В переписке с представителями турецких султанов и крымских ханов Москва характеризовала донских казаков как, — «всяких земель беглых людей, воров», «воров, беглых людей без государя...». Сами казаки всячески поддерживали это

мнение, провозгласив на многие десятилетия ставшим ключевым лозунг, — «С Дона выдачи нет!». И в более поздние периоды именно донские казаки тяготеют и стоят в первых рядах переселенческих и первопроходческих мероприятий³.

Д. И. Иловайский, описывая ситуацию в Рязанском княжестве, о казаках скажет, — «В придонских степях собирается в XV в. вольница из русских беглецов-разбойников»⁴.

Л. Н. Гумилев, говоря о пассионарности и этнических корнях казачества древности, характеризовал казаков XV–XVI вв.: «Они стали грозой степных ногаев и, перенесли войну в Сибирь, добились последнего хана Кучума».

Примерно о том же высказывался и С. А. Плетнев. По исторической версии Г. В. Вернадского, «казаки — это сообщество свободных людей, известное под таким именем в степях Евразии как минимум со времен царства Ордынского (XIII–XIV вв.)». В работе «Монголы и Русь» Вернадский говорит: «Форма казах, теперь официально принятая в Советском Союзе, вариант слова казак, которое в нескольких тюркских диалектах означает «свободный человек», «свободный искатель приключений» и, отсюда, «житель приграничной полосы»⁵.

И. Яковенко рисовал древние казачьи сообщества как «природных степняков». И. Я. Куценко считал, что основой жизни этих образований являлась своеобразная и «самобытная народная демократия»⁶.

Крупные русские ученые, — профессор В. Б. Антонович и авторитетнейший специалист в области кубановедения Ф. А. Щербина много внимания уделили исследованию связей древних казачьих общин с древнерусскими

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: предания веков. — М.: Правда, 1988. — 5 т.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1900. — С, 123.

³ Государственный Архив Омской Области: ГАОО. — О побеге казаков со службы, 1866 г. — Ф.75. Оп.1. Д.17.

⁴ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. — М., 1884. — С. 203.

⁵ Гирин А. В. Возрождение казачьих войск [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=709.0> — С. 4.

⁶ Куценко И. Я. Кубанское казачество. 2-е изд. — Краснодар: Книжное издательство, 1993. — 582 с.

ми вечевыми общинами, видя их поразительное сходство в принципах жизни и устройства. При этом В. Б. Антонович полагал, что «казаки есть не что иное, как остатки этих сохранившихся древнеславянских общин, которые являются с характером воинственным, вызванным местными обстоятельствами...» Щербина же придерживался мнения, что «несомненно, казачество появилось на смену вечевого уклада народной жизни, хотя, разумеется, и под влиянием экономических причин. Жажда свободы и стремление к народоправству были прямым наследием вечевых порядков».

Не случайно, что одна из основных и одна из самых старых теорий о происхождении казачества, наитеснейшим образом связана с вопросом «казацких вольностей». Эта теория в исторической литературе получила наименование «казенной»¹ или «бегло-холопской». По мнению ее основателей бежавшие от феодальной эксплуатации и притеснений крестьяне и были первыми казаками на земле российской, а первичное оформление казачьих поселений должно быть датировано серединой XVI в.² Более того, современный историк И. Я. Куценко выдвигает новую, свою собственную теорию происхождения казаков, но что симптоматично, вновь связывает ее с принципами казачьих вольностей. По его версии, казачья общность, — это «самобытная народная демократия, превратившаяся в служилое сословие»³.

Оценивая состояние дореволюционной историографии по вопросам казачества, политолог А. Е. Мохов прямо и однозначно в числе прочих слабостей дореволюционных научных концепций указывает и вопрос освещения противоречивости, конфликтности казачьей истории. Он пишет: «Дореволюционные и послереволюционные труды представителей эмиграции по казачьим вопросам, несмотря

на свою многочисленность, страдают главным образом, двумя недостатками: невысокой в целом степенью аналитичности, что можно объяснить недостаточным развитием в то время междисциплинарного подхода, а также порой отсутствием у авторов должной объективности и беспристрастности в исследовании казачества, стремлением обосновать версию о его изначально верноподданнической роли в жизни российского государства. При этом авторами часто замалчивались имевшие место между казаками и государственными органами России жесткие конфликты, возникавшие на протяжении всего периода их взаимного существования. Дореволюционные исследователи казачества находились под большим влиянием общественно-политических и научных концепций, согласно которым казаки, то представлялись изгоями общества, то их роль в становлении и развитии российского государства чрезмерно восхвалялась»⁴. Хотя эти слова были произнесены еще в 2005 г. положение в исторической науке менялось крайне слабо.

Современное казачество отводит вопросу казачьих вольностей в системе общих понятий и структуры казачества достаточно важное место. Казаки — члены редакции альманаха «Казачий круг» говорят, — «Казачество было уникальным социальным образованием, воплотившем в своем облике ряд черт, сочетание которых делало его живым носителем государственности, основанной на свободе и порядке, естественным образом заложившего целый пласт наших национальных демократических традиций»⁵. Именно исходя из этих составляющих казаками делается важный вывод о том, что «в мыслях о путях переустройства и возрождения России казачье наследие может помочь заново осмыслить и восстановить жизнеспособные российские демократические институты, наполнить новым содержанием традиции, у которых гораздо больше шансов на выжи-

¹ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр // Родина. — 1995.

² Сопов А. В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. — Майкоп, 1999. — 238 с. — С. 4.

³ Куценко И. Я. Кубанское казачество. 2-е изд. — Краснодар: Книжное издательство, 1993. — 582 с. — С. 24.

⁴ Мохов А. Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. политолог. наук: 23.00.02. — М., 2005. — С. 4–5.

⁵ Предисловие // Казачий круг: альманах. — 1991: Специальный выпуск. — № 1. — С. 3.

вание, чем у передовых, но механически перенесенных с Запада»¹. При этом исследователь В. В. Кузьмин говорит о недостаточной степени использования всего потенциала казачьих традиций, накопленного опыта поколений: «Казачье движение, по сути дела, отказалось от реанимации тех староказачьих ценностей, которые... могли бы стать составной частью гражданского общества. Это, прежде всего, ценности демократии, свободы, равенства, дистанции от государственных институтов...»

Достаточно интересный подход к трактовке и оценке системы казачьих вольностей предлагается современным исследователем В. А. Шуковым. Главный редактор казачьей газеты «Станица» В. А. Шуков² пытается рассмотреть идеологию казачьих вольностей через призму всеобщей и глобальной философии казачества. В основу его концепции были положены труды казачьей эмиграции в лице С. Г. Елатонцева, Б. И. Уланова, Б. Кременского, В. М. Кузнецова, В. А. Харламова³. Развивая мысль казачьей эмиграции, Шуков делает вывод о том, что «следует различать понятия Казачья Идея и Идея Казачества. Если Казачья Идея — это внутреннее, для себя существующее казачье понимание целей и смысла жизни, то Идея Казачества — это внешнее для казачества представление, существующее помимо и независимо от него в душе русского народа»⁴. Говоря уже о «продукте внутреннем», В. А. Шуков говорит и о собственно вольностях, определяя их роль, смысл и назначение следующим образом, — «Казачья идея — это жизненные нормы личной свободы, вольности и равноправия, воспитанные у казака обра-

зом жизни и всей системой самоуправления казачества»⁵. В своих публикациях В. А. Шуков говорит об опасности и самоубийственности для казачьего сообщества недооценки системы традиций и идеологии вольностей в угоду «формирования служилого сословия», считая этот путь тупиковым в истории общности⁶. Идею об узости и односторонности исключительно «сословно-служилого» подхода к вопросам казачества в современный период разделяют не только историки и публицисты. Точь-в-точь о том же и почти теми же словами говорят и представители других наук. Например, политолог А. Е. Мохов считает: «В настоящее время в органах государственной власти пока во многом доминирует «сословная» точка зрения на перспективы развития казачества. Подобный упрощенный подход к решению проблемы основывается, очевидно, на отрицании того, что казачество в имперский период характеризовалось как сословными особенностями (приобретенными именно под воздействием государства), так и культурно-этническими, причем последними — в наибольшей степени. Это объективное положение вещей нельзя игнорировать, ибо это может привести к новым ошибкам в определении основ политики российского государства в отношении казачества и возникновению новых проблем, вместо слаженной и результативной работы по строительству новой российской государственности»⁷. Так же можно обратиться к иностранным источникам и авторам, которые ссылаются на важность осознания и понимания процессов, происходящих в отдельных этнических и культурных сообществах, для понимания сути процессов уже глобального характера и масштабов. Известный этнолог Ф. Боас писал: «Мы должны и обязаны понять процесс развития индивидуальных культур, прежде

¹ Предисловие // Казачий круг: альманах. — 1991: Специальный выпуск. — № 1. — С. 3.

² Шуков В. А. Казачья идея-2: современная практика // Станица. — 2006. — № 47 (июнь). Шуков В. А. Казачья идея // Станица. — 2004. — № 41 (январь).

³ Мацневский Г. О. Идеологемы современного казачьего движения // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. — 2012. — № 9 (17). — С. 2.

⁴ Шуков В. А. Казачья идея // Станица. — 2004. — № 41 (январь). — С. 5.

⁵ Шуков В. А. Казачья идея // Станица. — 2004. — № 41 (январь). — С. 6.

⁶ Шуков В. А. Казачья идея-2: современная практика // Станица. — 2006. — № 47 (июнь). — С. 4–6.

⁷ Мохов А. Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. политолог. наук: 23.00.02. — М., 2005. — С. 20.

чем сможем попытаться установить законы развития культуры человечества»¹.

Кроме А. Е. Мохова по вопросу высказывались и иные исследователи. Многие из них увидели перекося в организации научно-исследовательского процесса по вопросу казачества в угоду «сословной» версии, что считали совершенно неоправданным. Особую активность проявили представители политических наук. Политолог О. В. Ковалева замечает: «Поскольку современное казачество с самого начала настойчиво изъявляло желание играть роль самостоятельного субъекта в политике, извлекая свой интерес из взаимодействия с государственными институтами и политическими партиями, с субъектами Российской Федерации и странами ближнего зарубежья, особое внимание заслуживает прикладной характер проблематики, а именно проявление и эксплуатация «этнического» компонента идеи казачества.»² При этом Ковалева опосредованно говорит и о факторе казачьего дуализма, объясняя его в основном не объективными внутренними причинами развития казачества, а причинами внешнего и стихийного плана. Несмотря на это замечание, ситуация описывается достаточно детально и справедливо, — «Ситуативность поведения казачества в установлении взаимовыгодных отношений с государством и импульсивность, непоследовательность государственной политики по отношению к казачеству определили весь дальнейший путь развития казачьей идеи и идеологии»³. Основная ответственность за недооценку роль «этнического элемента» в казачестве, по мнению автора, должна быть возложена на элементы властной вертикали, органы власти, — «Стремление государства в лице исполнительной власти осуществ-

вить политику «социализации» казачества, т.е. юридически оформить его сословность, очевидна и безальтернативна с прагматичной точки зрения. Столь же очевидной является необходимость учитывать влияние этнического компонента казачьей идеологии, особенно в регионах межнационального характера»⁴.

Таким образом, понятие термина «казачьих вольностей» становится во многом для нас синонимом этничности казачества. Перепись населения Российской империи в 1909 г. отразила наличие двух основных народов страны: русские и казаки. Неслучайно, что один из первых указов Б. Н. Ельцина № 632 от 1992 г. в период возрождения казачества в отношении этого самого казачества носил яркое выраженное этническое звучание.

Бунтарями и воинами именовал казаков историк В. И. Лесин⁵. Многие из современных представителей исторической науки считают определение данное Лесиным наиболее ярким и четким, и охотно используют его в своих работах⁶. Они считают, что именно этим словосочетанием и определяется глубинная сущность казачества. Несмотря на всю спорность взглядов и мнений русских националистов, они придерживаются именно «лесинской» версии основ казачества: «Казачество являлось и должно оставаться основным каркасом русского народа, русского общества. Глобализация приводит к массивным миграционным потокам на русские территории из внутренних регионов с особой этнической средой и зарубежных государств, утративших связь с русским народом. Все бо-

¹ Аверкиева. Франц Боас // Краткие сообщения. — М.: Институт этнографии. — 1946. — 1 вып. — С. 13–15.

² Ковалева О. В. Политическое поведение казачества в сфере межнациональных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2011. — № 3. — С. 24. — С. 1.

³ Ковалева О. В. Политическое поведение казачества в сфере межнациональных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2011. — № 3. — С. 24. — С. 1.

⁴ Ковалева О. В. Политическое поведение казачества в сфере межнациональных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2011. — № 3. — С. 24. — С. 1.

⁵ Лесин В. И. Бунтари и воины. — Ростов-на-Дону, 1997.

⁶ Маркедонов С. М. От истории к конструированию национальной идентичности: исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения» // *Ab imperio*. — 2001. — № 3. Маркедонов С. М. С кем и за что воевали?: русская революция и Гражданская война в оценках лидеров «Вольноказачьего движения» // *Белая гвардия: альманах*. — № 8. — Казачество России в Белом движении. — М.: Посев, 2005. — С.24–32.

лее востребованными становятся внутренние механизмы нейтрализации негативного влияния этих явлений. Возможность государства к нейтрализации негатива зависит от многих, но контролируемых обществом факторов. Казачество является самостоятельным постоянно действующим инструментом общества, способным формировать комфортную и безопасную среду существования.»¹ В военной силе и своеобразии традиций заключена глубинная стабилизирующая сила казачьего этноса. А традиции это, в т.ч., и в большей части, — исконные казачьи вольности. О силе духа казаков по борьбе за волю говорит письмо, найденное в ранце убитого под станицей Шкуринской в период Второй мировой войны немецкого солдата Альфреда Курца. Курц писал: «Все, что я слышал о казаках времен войны четырнадцатого года, бледнеет перед теми ужасами, которые мы испытываем при встрече с казаками теперь. Одно воспоминание казачьей атаки повергает в ужас и заставляет дрожать. По ночам я галлюцинирую казаками. Казаки — это какой-то вихрь, который сметает на своем пути все препятствия и преграды. Мы боимся казаков как возмездия всевышнего».

С вопросами военной службы в отношении казачества все было далеко не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Источники повествуют: «Казаки до самых Азовских походов Петра Великого 1695–1696 гг. противились строительству русских военных крепостей и не желали в них «сидеть». Государевы ратники жаловались на то, что донцы их «бьют и грабят и дров сечь под городками своими казачьими не дают»². С. М. Маркедонов отмечает, — «вольные донские казаки не были обязаны службой государству». Какая-либо иерархия, субординация, чиновничество отсутствовали. В 1579 году в период Ливонской войны казаки просто ушли из состава русской армии. Это событие

произошло в крепости Соколы. Уже в период 1633 г. части казаков оставили Смоленск при его осаде польскими частями. Уходили и в период 1655 г., — Польской войны³. В Архиве Омской области содержатся данные о побегах казаков со службы⁴.

Историк А. Н. Малукало в ряде своих работ ссылается на отписки московского правительства в 1538, 1549, 1550 гг. ногайским мурзам о том, что казаков «в поле» московские власти просто не в силах контролировать⁵. Для этого не хватало ни сил, ни средств. К XVII в. ситуация не претерпела кардинальных изменений. Г. Котошихин говорил, — «Несмотря на широкое привлечение донских казаков для промысла военного, дана им на Дону жить воля, начальных людей меж себя, атаманов и иных, избирают и судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу...»⁶.

Изначально казачьи поселения в Запорожской Сечи и на раннем Дону больше напоминали некие военно-духовные и полностью закрытые для проникновения извне общности, рыцарские ордена, только на славянской почве и основе. Е. Морозов отмечает: «Казачество — уникальное явление в социальной мозаике планеты, осколок древнего комплекса военных мужских союзов»⁷. Не иначе, как «степными рыцарями» называли казаков и представители т.н. «Вольноказачьего движения»⁸.

³ Давыдов Д. В. Примечания, составленные Д. В. Давыдовым.: Соч. — М.: Госполитиздат, 1962. — С. 535.

⁴ Государственный Архив Омской Области: ГАОО. — О побеге казаков со службы, 1866 г. — Ф.75. Оп.1. Д.17.

⁵ Савельев Е. П. История Дона и донского казачества: в 4 ч. — 2 ч.: Средняя история казачества. — Новочеркасск, 1916. — С. 217–218.

⁶ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. — СПб., 1906. — С. 107.

⁷ Морозов Е. К вопросу о военной службе казачества [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://garda.narod.ru/skv/t/s/s001.html> — С. 1.

⁸ Маркедонов С. М. С кем и за что воевали?: русская революция и Гражданская война в оценках лидеров «Вольноказачьего движения» // Белая гвардия: альманах. — № 8. — Казачество России в Белом движении. — М.: Посев, 2005. — С. 4.

¹ Казачество — силовой каркас русской нации [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rnfront.info/2012/03/kazachestvo.html> — С. 1.

² Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов. — М., 1962. — 3 т. — С. 349, 352.

Историк М. А. Рыблова пишет о характерных особенностях этих групп: «Понятно, что на «сквозняке» Дикого поля удерживались лишь определенные категории населения, обладающие своеобразными культурными стереотипами»¹. В письме от 26 мая 1632 г. Михаилу Федоровичу Романову и патриарху Филарету Никитичу донцы пишут о своей старине, традициях, в которых они не повинны: «И крестного целованья, государи, как и зачался Дон казачьими головами, не повелось». Об этом же говорит в цикле своих работ Д. В. Сень, приводя ссылки на авторитетные исторические источники², — «При первых Романовых казаки упорно отказывались целовать крест, апеллируя к практике времен «зачатия Дона». Присягать А. Романову в 1645 г. они отказывались по той же причине, что и Михаилу в 1632 г., и были весьма упорны: «Казачье сообщество не может заставить по-христиански присягать донцов, среди коих имеется много нехристиан и большинство которых родилось от басурманок»³. Положение сохраняется вплоть до второй половины XVIII в. По сообщениям священника ст. Терновской в 1763 г. в ней «не обреталось ни одного жителя «во изображении и заключении тайны Святой Троицы в троеперстном сложении...»⁴. Не только донцы, но и терцы доставляли своим религиозным упорством официальным властям много хлопот. Массово казачество отказывалось ходить на исповеди и в церкви. Известен случай, когда идти на исповедь в 1763 г. отказалось более 700 терских казаков⁵. Ряд монографий, исследований

и трудов детально обследовали и описали количество казаков — раскольников в составе ряда казачьих войск, например, — Сибирском. Много материалов находим и в фондах местных, краевых архивов.

Именно в этот период ранней казачьей истории для казачьего сообщества были характерны признаки, о которых говорит в своих исследованиях проф. С. В. Передерий: «Парадигма российского казачества как русского субэтноса базируется на признании исторических фактов формирования казачества из гетерогенных народов при сохранении славянской, великорусской антропологической доминанты и основы. У казачьей социальной общности, наряду с общими для всего этнического великорусского населения доминирующими признаками, были и существенные специфические групповые отличия в культуре, психологии, военно-служилом образе жизни. Представители инородных этнических групп, приписанные к казачеству и не желавшие соблюдать казачий уклад, выживались из казачьих общин, подвергались люстрации на межличностном и личностно-групповом уровнях... Быть казаком — значит жить по казачьему укладу, и не как иначе...»⁶. В мае — августе 1918 года на Дону в казаки было поверстано 417 иногородних в знак признания их заслуг в борьбе с большевизмом за исконные казачьи ценности, защиту традиций и вольностей. В то же время на этот год значится исключенных за проступки, отступничество, предательство казачьих интересов, — более 1400 приговоров. В дополнение к этим цифрам еще 300 человек было изгнано за пределы войска Донского. Не обходилось, однако, и без явных казусов. Так истории известны случаи поверстания в казаки немецких офицеров в период Второй мировой войны, находящихся на службе Рейха. Генералу Гельмуту фон Паннвицу 21 марта 1944 г. решением схода терского казачества была преподнесена грамота, согласно которой он становился полноправным членом терского казачьего сообщ-

¹ Рыблова М. А. Вольные братства донских казаков: стратегия жизни в «Диком поле» // Сборник тезисов докладов. — М., 2003.

² Сень Д. В. Левиафан государственности и казачество... [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: http://www.cossackdom/articles/s/sen_leviafan.htm — С. 9–10.

³ Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. — М. — Л., 1934. — С. 137.

⁴ Государственный Архив Ростовской Области: ГАРО. — Ф.55. Оп.1. Д.1490. Л. 51.

⁵ Гриценко Н. П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. — 9 т. — С. 69–81. — С. 73.

⁶ Передерий С. В. Концепция возрождения и становления российского казачества [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://kazaki-irbis.ru/koncept.html> — С. 3.

щества с припиской к станции Ессентукской. А терскую черкеску он стал носить и того ранее, — с января 1944 г.¹

«На Дон приходили представители всех сословий... Созданное общество обладало демократическим устройством, проводило самостоятельную внешнюю политику. Казаки не были обязаны службой государству, не приносили присяги («крестного целования»). Вместе с тем, с первых дней своего существования казачество вело борьбу с турецко-татарской экспансией, закрывая с юга границы Московского государства. Казаки были фактически бесплатным войском Москвы, куда более эффективным, чем собственные вооруженные силы. Государство видело в «степных рыцарях» две стороны, — «вольность» и военную силу»².

Ранние казачьи общины Запорожской Сечи и Дона были очень схожи друг с другом. В угоду идеологии своих вольностей, своего особого жизнеобеспечения, вопросов несения военной службы они отказывались от института семьи. Семей на Дону и Сечи не существовало. Отсутствие института семейных ценностей было объективным тормозом для развития казачьих сообществ, и позднее они изменяют свою позицию. Но, в период раннего казачества иное положение не мыслилось. Женщины сечевики и донцы не дорожили, смотрели на них как на обузу. Историк Ригельман писал об этих представлениях: «Если кому жена уже немила и неуютна или ненадобная, оных (жен) менять, продавать и даром отдавать мог, водя по улицам и вдруг крича: «Кому любя, кому надобна? Она мне гожа была, работяца и домовита. Бери, кому надобно.» И если выщется кто оную взять, договаривались ценою или какою меною, по случаю же и за попойку, отпустят ее из рук, отдавали. Когда ж взят жены никто не вы-

искивался, то и так на волю отпускали»³. За разные же проступки, к числу которых относилась и «продерзость», женщинам мужья насыпали речного песку за пазуху, привязывали камень к шее и топили в воде и вообще казнили, не давая никому в том отчета и не неся вовсе никаких наказаний. Порядки были суровые, но это были казачьи порядки, и сообщество ими дорожило. Еще более сурово поступали с нашкодившими детьми, а так же младенцами. По Ригельману видим: «сказывают же, что когда стали посягать жен, то, по общему приговору, младенцев, родившихся у них, сперва в воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцов и матерей для промысла не обременяли. Но потом обществом же приговорили, дабы мужского пола младенцев вживе оставляли, а женского роду в воду метали»⁴. Демократизм вольностей уживался в сообществах с бесчеловечной жестокостью. Такой подход считался проявлением рациональности. Власти такое положение было явно невыгодно, она пыталась активно «насадить» запорожцам и донцам семейные ценности. Одной из косвенных причин разорения Екатериной II Сечи и переселения черноморцев на Кубань, по мнению источников, стало то, что императрица хотела напомнить «вольнолюбцам», — «вже треба женитися» (по выражению одного из первых казачьих поэтов А. Головатого)⁵. «Исполнив августейший совет, казаки, помимо Бога, Царя и Отечества (Родины), получили над собой еще и родыну (семью), т.е. жинку с кучей постукивающих ложками ребятишек.»⁶ Однако, такому положению упорные казаки долго и настойчиво сопротивлялись.

³ Ригельман А. И. История о донских казаках. — Ростов-на-Дону, 1992. — С. 95.

⁴ Ригельман А. И. История о донских казаках. — Ростов-на-Дону, 1992. — С. 95.

⁵ Чумаченко В. К. Я. Г. Кухаренко — писатель, историк и этнограф [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: http://www.cossackdom.com/personal/chumachenko_kuharenko.htm — С. 2.

⁶ Чумаченко В. К. Я. Г. Кухаренко — писатель, историк и этнограф [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: http://www.cossackdom.com/personal/chumachenko_kuharenko.htm — С. 2.

¹ Бурда Э. Казаки в Великой Отечественной войне: по обе стороны фронта. — 1 ч. [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article24129.htm> — С. 4.

² Маркедонов С. М. От истории к конструированию национальной идентичности: исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения» // *Ab imperio*. — 2001. — № 3. — С. 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аверкиева. Франц Боас // Краткие сообщения. — М.: Институт этнографии. — 1946. — 1 вып. — С.13–15.
2. Аджиев М. Рожденные великой степью // Спутник-дайджест. — 1992. — № 8. — С.15–21.
3. Боднева Н. А. Функциональные детерминанты семьи в социокультурной системе казачества Юга России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. — 2006. — № 16. — С.10–13.
4. Бурда Э. Казаки в Великой Отечественной войне: по обе стороны фронта. — 1 ч. [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article24129.htm> — 9 с.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1900.
6. Гирич А. В. Возрождение казачьих войск [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=709.0>
7. Государственный Архив Омской Области: ГАОО. — О побегах казаков со службы, 1866 г. — Ф.75. Оп.1. Д.17.
8. Государственный Архив Ростовской Области: ГАРО. — Ф.55. Оп.1. Д.1490. Л. 51.
9. Гриценко Н. П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. — 9 т. — С.69–81.
10. Давилович В. Е., Скорик А. П. Исторический социотип донской казачьей субкультуры // Цивилизации и культуры. М., 1996. — 3 вып.: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. — С.221–250.
11. Давыдов Д. В. Примечания, составленные Д. В. Давыдовым.: Соч. — М.: Госполитиздат, 1962.
12. Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. — М., 1884. — 254 с.
13. Казаки в государственной системе Российской Федерации: противоречия и перспективы [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo
14. Казачество — силовой каркас русской нации [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rnfront.info/2012/03/kazachestvo.html-4> с.
15. Карамзин Н. М. История государства Российского: предания веков. — М.: Правда, 1988. — 5 т.
16. Ковалева О. В. Политическое поведение казачества в сфере межнациональных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2011. — № 3. — С. 24.
17. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. — СПб., 1906.
18. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сборник документов. — М., 1962. — 3 т.
19. Куценко И. Я. Кубанское казачество. 2-е изд. — Краснодар: Книжное издательство, 1993. — 582 с.
20. Лесин В. И. Бунтари и воины. — Ростов-на-Дону, 1997.
21. Маркедонов С. М. От истории к конструированию национальной идентичности: исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения» // *Ab imperio*. — 2001. — № 3.
22. Маркедонов С. М. С кем и за что воевали?: русская революция и Гражданская война в оценках лидеров «Вольноказачьего движения» // Белая гвардия: альманах. — № 8. — Казачество России в Белом движении. — М.: Посев, 2005. — С.24–32.
23. Матвеев О. В. Кубанское казачество в сословной структуре Российской империи и тенденции его развития в 60–80-е гг. XIX в. // Проблемы истории казачества: сборник научных трудов. — Волгоград, 1995. — С.32–43.
24. Мациевский Г. О. Идеологемы современного казачьего движения // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. — 2012. — № 9 (17).

25. Морозов Е. К вопросу о военной службе казачества [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://garda.narod.ru/skv/t/s/s001.html> — 24 с.
26. Мохов А. Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. политолог. наук: 23.00.02. — М., 2005.
27. Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих сообществ: к постановке вопроса // Феодализм в России. — М., 1987. — С.240–247.
28. Передерий С.В. Концепция возрождения и становления российского казачества [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: <http://kazaki-irbis.ru/koncept.html>
29. Предисловие // Казачий круг: альманах. — 1991: Специальный выпуск. — № 1.
30. Ригельман А. И. История о донских казаках. — Ростов-на-Дону, 1992.
31. Рыблова М. А. Вольные братства донских казаков: стратегия жизни в «Диком поле» // Сборник тезисов докладов. — М., 2003.
32. Савельев Е. П. История Дона и донского казачества: в 4 ч. — 2 ч.: Средняя история казачества. — Новочеркасск, 1916.
33. Сватиков С. Г. Автономия Дона // Донская волна. — 1919. — № 26 (54).
34. Сень Д. В. Левиафан государственности и казачество... [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: http://www.cossackdom/articles/s/sen_leviafan.htm
35. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1959. — 1 кн.
36. Сопов А. В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. — Майкоп, 1999. — 238 с.
37. Татищев В. Н. История Российская. — М. — Л., 1963. — 2 т.
38. Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. — М. — Л., 1934.
39. Чумаченко В.К. Я. Г. Кухаренко — писатель, историк и этнограф [Электронный сетевой ресурс]. — Режим доступа: http://www.cossackdom.com/personal/chumachenko_kuharenko.htm
40. Шуков В. А. Казачья идея // Станица. — 2004. — № 41 (январь).
41. Шуков В. А. Казачья идея-2: современная практика // Станица. — 2006. — № 47 (июнь).
42. Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр // Родина. — 1995.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Averkieva. Frants Boas // Kratkie soobshcheniya. — М.: Institut etnografii. — 1946. — 1 вып. — S.13–15.
2. Adzhiev M. Rozhdennye velikoi step'yu // Sputnik-daidzhest. — 1992. — № 8. — S.15–21.
3. Bodneva N. A. Funktsional'nye determinanty sem'i v sotsiokul'turnoi sisteme kazachestva Yuga Rossii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Estestvennye nauki. — 2006. — № 16. — S.10–13.
4. Burda E. Kazaki v Velikoi Otechestvennoi voine: po obe storony fronta. — 1 ch. [Elektronnyi setevoi resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.apn.ru/publications/article24129.htm> — 9 с.
5. Vladimirskii-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — Kiev, 1900.
6. Girin A. V. Vozrozhdenie kazach'ikh voisk [Elektronnyi setevoi resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=709.0>
7. Gosudarstvennyi Arkhiv Omskoi Oblasti: GAOO. — O pobege kazakov so sluzhby, 1866 g. — F.75. Op.1. D.17.
8. Gosudarstvennyi Arkhiv Rostovskoi Oblasti: GARO. — F.55. Op.1. D.1490. L.51.
9. Gritsenko N. P. Iz istorii staroobryadchestva na Tereke v XVIII–XIX vv. // Voprosy istorii Checheno-Ingushetii. Groznyi, 1977. — 9 т. — S.69–81.
10. Davilovich V. E., Skorik A. P. Istoricheskii sotsiotip donskoi kazach'ei subkul'tury // Tsivilizatsii i kul'tury. М., 1996. — 3 вып.: Rossiya i Vostok: geopolitika i tsivilizatsionnye otnosheniya. — S.221–250.
11. Davydov D. V. Primechaniya, sostavlennye D. V. Davydovym.: Soch. — М.: Gospolitizdat, 1962.
12. Ilovaiskii D. I. Istoriya Ryazanskogo knyazhestva. — М., 1884. — 254 с.

13. Kazaki v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi Federatsii: protivorechiya i perspektivy [Elektronnyi setevoi resurs].— Rezhim dostupa: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo
14. Kazachestvo — silovoi karkas russkoi natsii [Elektronnyi setevoi resurs].— Rezhim dostupa: <http://www.rnfront.info/2012/03/kazachestvo.html>— 4 с.
15. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: predaniya vekov. — M.: Pravda, 1988. — 5 t.
16. Kovaleva O. V. Politicheskoe povedenie kazachestva v sfere mezhnatsional'nykh otnoshenii // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya, 2011. — № 3. — S. 24.
17. Kotoshikhin G. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha. — SPb., 1906.
18. Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina: sbornik dokumentov. — M., 1962. — 3 t.
19. Kutsenko I. Ya. Kubanskoe kazachestvo. 2-e izd. — Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1993. — 582 s.
20. Lesin V. I. Buntari i voiny. — Rostov-na-Donu, 1997.
21. Markedonov S. M. Ot istorii k konstruirovaniyu natsional'noi identichnosti: istoricheskie vozzreniya uchastnikov «Vol'nokazach'ego dvizheniya» // Ab imperio. — 2001. — № 3.
22. Markedonov S. M. S kem i za chto voevali?: russkaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v otsenkakh liderov «Vol'nokazach'ego dvizheniya» // Belaya gvardiya: al'manakh. — № 8. — Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii. — M.: Posev, 2005. — S. 24–32.
23. Matveev O. V. Kubanskoe kazachestvo v soslovnoi strukture Rossiiskoi imperii i tendentsii ego razvitiya v 60–80-e gg. XIX v. // Problemy istorii kazachestva: sbornik nauchnykh trudov. — Volgograd, 1995. — S. 32–43.
24. Matsievskii G. O. Ideologemy sovremennogo kazach'ego dvizheniya // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektronnyi nauchnyi zhurnal. — 2012. — № 9 (17).
25. Morozov E. K voprosu o voennoi sluzhbe kazachestva [Elektronnyi setevoi resurs].— Rezhim dostupa: <http://garda.narod.ru/skv/t/s/s001.html> — 24 с.
26. Mokhov A. E. Kazachestvo v sisteme Rossiiskogo gosudarstva: politologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. politolog. nauk: 23.00.02. — M., 2005.
27. Nikitin N. I. O formatsionnoi prirode rannikh kazach'ikh soobshchestv: k postanovke voprosa // Feodalizm v Rossii. — M., 1987. — S. 240–247.
28. Perederii S. V. Kontseptsiya vozrozhdeniya i stanovleniya rossiiskogo kazachestva [Elektronnyi setevoi resurs].— Rezhim dostupa: <http://kazaki-irbis.ru/koncept.html>
29. Predislovie // Kazachii krug: al'manakh. — 1991: Spetsial'nyi vypusk. — № 1.
30. Rigel'man A. I. Istoriya o donskikh kazakakh. — Rostov-na-Donu, 1992.
31. Ryblova M. A. Vol'nye bratstva donskikh kazakov: strategiya zhizni v «Dikom pole» // Sbornik tezisov dokladov. — M., 2003.
32. Savel'ev E. P. Istoriya Dona i donskogo kazachestva: v 4 ch. — 2 ch.: Srednyaya istoriya kazachestva. — Novocheerkassk, 1916.
33. Svatikov S. G. Avtonomiya Dona // Donskaya volna. — 1919. — № 26 (54).
34. Sen» D. V. Levafan gosudarstvennosti i kazachestvo... [Elektronnyi setevoi resurs].— Rezhim dostupa: http://www.cossackdom/articles/s/sen_levafan.htm
35. Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. — M., 1959. — 1 kn.
36. Sopov A. V. Problemy proiskhozhdeniya i stanovleniya kazachestva Yuga Rossii: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07. — Maikop, 1999. — 238 s.
37. Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya. — M. — L., 1963. — 2 t.
38. Tomsinskii S. G. Ocherki istorii feodal'no-krepostnicheskoi Rossii. — M. — L., 1934.
39. Chumachenko V. K. Ya. G. Kukhareno — pisatel», istorik i etnograf [Elektronnyi setevoi resurs].— Rezhim dostupa: http://www.cossackdom.com/personal/chumachenko_kuharenko.htm
40. Shukov V. A. Kazach'ya ideya // Stanitsa. — 2004. — № 41 (yanvar').
41. Shukov V. A. Kazach'ya ideya-2: sovremennaya praktika // Stanitsa. — 2006. — № 47 (iyun').
42. Yakovenko I. Podvizhen, otchayan i khrabr // Rodina. — 1995.